

16+

Я СЧАСТЛИВ...

Азимжан
АСКАРОВ

Азимжан Аскарлов

Я счастлив...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Аскарлов А. К.

Я счастлив... / А. К. Аскарлов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта книга – Голос художника, правозащитника и журналиста из Кыргызстана Азимжана Аскарлова, осужденного в 2010 году на пожизненный срок по сфабрикованному делу. Это непринужденный рассказ автора о своем трудном детстве, работе и деле, которое привело его в тюрьму, о том, что он лично увидел и пережил в трагические дни межэтнических конфликтов на юге страны. Он делает вывод, что любой конфликт, особенно межэтнический, зло, в котором страдают невинные люди. Аскарлов пишет, что он счастлив и свободен даже в тюрьме, ибо находясь здесь, обрел тысячи друзей во всем мире, несмотря ни на что продолжает мыслить свободно и говорить правду.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Автор книги, профессиональный художник, правозащитник и журналист из Кыргызстана Азимжан Аскарров в сентябре 2010 года осужден к пожизненному лишению свободы по обвинению в разжигании межэтнической розни, организации массовых беспорядков и убийства сотрудника милиции. Сам правозащитник, местное и международное правозащитное сообщество считают этот приговор политически мотивированным, а само дело – сфабрикованным.

В апреле 2016 года Комитет ООН по правам человека сделало заключение, что вина Азимжана Аскаррова не была доказана, что он подвергался жестоким пыткам и призвал власти страны немедленно освободить его. Но 67-летний правозащитник уже восьмой год остается в бишкекской тюрьме, где и написал эту книгу.

Книга написана автором и подготовлена к печати Общественным фондом «Voice of Freedom» при поддержке Норвежского Хельсинского Комитета в рамках проекта «Я счастлив...» (Издание книги-исповеди Азимжана Аскаррова). Содержание книги может не совпадать с позицией Норвежского Хельсинского Комитета и Общественного фонда «Voice of Freedom».

© Азимжан Аскарров, 2018

Посвящаю эту книгу моей матушке, которая потеряла меня, своего сына, при ее и моей жизни, и покинула этот мир, потрясенная самой большой несправедливостью.

Да утешит Аллах душу моей матушки в своих чертогах и дарует ей умиротворение и покой!

Автор

Тюрьма лишает человека свободы внешней, но дает возможность осмыслить свою жизнь. Возвращаясь мысленно в детство, я понял, почему, будучи художником, я стал правозащитником.

Облачное детство

Это были послевоенные 1950-е годы... Середина знойного лета. От постоянного пребывания под палящим солнцем босые ноги обгорали до волдырей и ожогов. Но дети махалли¹ за своими детскими играми не обращали на это внимания.

Помню одну из наших тогдашних забав. Мы, уличные мальчишки, сгребали в кучки дорожную пыль, поливали ее водой и лепили глиняные полусферы – “танки”. Дулом “танка” служило сквозное, сверху и вбок, отверстие в этой полусфере. Мы дули в верхнее отверстие, и через переднее вылетал столб пыли, имитируя выстрел. Клубы пыли вздымались над нами, а уж как выглядели «танкисты» напротив – словами не описать.

С чистой питьевой водой у нас в кишлаке было туго, и потому селяне выкопали два пруда. Воду для питья каждая семья набирала только на заре, пока она была чистой и прозрачной. В остальное же время этими прудами безраздельно владели мы, мальчишки. Только в сумерках с полей возвращались родители и загоняли нас по домам – кого лаской или окриками, а кого и под угрозой отведать гибкого ивового прута.

Все лето, предоставленные самим себе, дети и не помышляли о еде. Но если бы даже вспоминали о ней, что толку? В большинстве семей не было не то, что какой-либо вкусной снеди, но даже лепешек из обычной кукурузной муки.

¹ Махалля – жилой квартал (узб).

Нас в семье было четверо сыновей, я был вторым. Хотя наши родители от рассвета до заката работали в колхозе, не разгибая спины, за свой тяжкий труд им не платили ни рубля. Только дважды в месяц из колхозного амбара дехканам² распределяли скудную норму макарон, масла, чая и муки. Один раз в месяц у нас дома готовили немного плова, и мы, четверо братьев, ели его непременно с кукурузными лепешками – иначе не наешься. Огонь в очаге разводился лишь дважды в неделю, и в котле готовилась неизменная похлебка или мучная болтушка, в остальные же дни мы были приучены довольствоваться малым – лепешками все из опостылевшей кукурузной муки да жидким чаем. Или обычной водой.

Вечером мы все четверо укладывались спать вповалку на глинобитном ложе. Одежд тоже не хватало, и мама стелила нам на всех один выдавший виды тюфяк. Когда на заре слышался зычный голос колхозного бригадира, подгоняющего весь окрестный люд на работу, наши родители в суете и спешке завтракали и отправлялись в поле. С их уходом на работу для нас снова наступала всегдашняя вольница. Ни один двор в кишлаке не был огорожен, и потому мы с удовольствием поедали зеленые плоды из соседских садов.

Тогда меня удивляло, почему люди сажают так мало яблонь, урючин и черешен. Позже узнал, что за каждое плодородное дерево полагалось платить налог. Поэтому взрослые закладывали саженцы неплодовых деревьев. Мы срезали их молодые ростки на рогатки, не понимая, какой вред наносим окружающей среде. Тогда в школах еще не проводились уроки экологии.

С приходом весны члены каждой бригады готовили вскладчину праздничный сумальяк³ из выданных колхозом муки и масла. Как только назначался день сумальяка, у нас, мальчишек, начиналась своя суета. Вырезав из дерева самодельные ложки, мы задумывали набег на большой котел, в котором варилось это чудо.

Когда воцарялся полумрак, мы подкрадывались к котлу, зачерпывали вкусное варево и убегали, что есть мочи от взрослых. Счастливчик, убежавший с добычей, обязательно делился со сверстниками. Среди моих ровесников не было понятия «твое-мое» и, невзирая на возраст, все были равными.

В летние месяцы, в самый разгар разведения коконов шелкопряда, заросли тутовника тоже становились для нас самым желанным местом. Мы, словно саранча, тучей налетали на шелковичные деревья, поедая еще незрелые плоды. Взрослые все равно не стали бы дожидаться, пока они созреют, и срезали бы молодые ветки с листьями, чтобы скормить их гусеницам шелкопряда.

Самым тяжелым временем года была зима. На четверых братьев у нас было всего две пары кирзовых сапог, и мы носили их по очереди. Дверьми и окнами в доме служили занавеси из грубой ткани. Проемы занавешивались вечером, а днем их открывали, чтобы в комнате было светло.

Стебли хлопчатника в жаровне прогорали очень быстро, превращаясь в кучку золы, и мы сворачивались клубком, съжившись от промозглого холода и сырости. Но, оказывается, человек поневоле приспосабливается ко всему, стойко перенося жизненные тяготы и лишения, так что нас в ту пору не могли одолеть ни простуда, ни другие болезни.

Мой папа, как все мужчины кишлака, ходил на скотный двор, расположенный метрах в двухстах от нашего дома. Они чистили стойла и ухаживали за скотом, но за этот тяжелый труд им не платили и медного пятака. С приходом весны, когда животноводы отправлялись с колхозным скотом на пастбища, скотный двор становился местом паломничества для окрестных жителей, которые старались вынести как можно больше навоза. Дров остро не хватало, нужда в кизяке была большой. Еще влажный навоз набивали в мешки, перевозили к себе во двор,

² Дехкан – земледелец (узб.).

³ Сумальяк – праздничное весеннее блюдо восточных народов из сока проросшей пшеницы, муки и масла.

вручную делали круглые лепешки и высушивали на солнце. Потом эти сухие кизяки использовали, чтобы разжечь огонь в очаге и готовить еду. А если удавалось заготовить кизяка еще и впрок на зиму, это было удачей вдвойне. По сравнению со стеблями хлопчатника, кизяк давал гораздо больше жара, и тепло от него держалось намного дольше.

...Но вот незаметно закончилась и пора беспечных игр, «танковых сражений» в дорожной пыли, и я вступил в школьный возраст. В 1958 году, в сшитых мамой черных шароварах и простой распашной рубашке из грубой домотканой материи, я отправился в школу. Все выстроившиеся в школьном дворе дети были босоногие. Учителя, обратившись к нам с какими-то словами, ввели нас в сырые, приземистые комнаты и усадили за деревянные парты. Так на нашу семью свалились еще и школьные заботы.

Только пять лет спустя с того дня, как я впервые переступил порог школы, в 1963 году, мои ноги познали, что значит носить ботинки. Они были из парусиновой ткани, но мне казалось, что это самая прекрасная обувь на свете.

Мы становились все старше, и наши родители уже давали нам самые разные поручения. Если раньше мы возились в свое удовольствие с дорожной пылью и глиной, то теперь собирали пыль в мешки. Когда собирался дождь, мы поднимали эту пыль в мешках наверх и густо покрывали прохуdivшуюся крышу. Когда шел дождь, мокрая пыль, как замазка, заделывала прорехи.

Но, несмотря на все наши старания, при каждом ненастье дождь словно лил прямо наши комнаты. У нас в доме дождем не заливало только две ниши в стене да полку, и между четырьмя братьями часто разгорался спор за эти ниши, и тот, кто первым занял желанное место, завоевывал право укрыться там от дождя в эту ночь.

Людям, которые работали не покладая рук, тогда даже не приходило в голову потребовать платы за свой непосильный труд. Но об этом я задумался позже, с годами.

Очень мало у кого водилась живность. Семьи, которые отваживались держать скотину, были обязаны вносить налоги, в том числе натуроплатой – в живом весе или мясом.

Едва ранней весной сходил снег, мой папа вскидывал мотыгу на плечо и отправлялся в поле прочищать оросительные арыки. Словно кадры старой кинохроники, в моей памяти навсегда запечатлелась такая картина: мама дает отцу в дорогу завернутую в чистую тряпицу половину кукурузной лепешки, а он, бережно спрятав ее за пазухой халата-чапана, уходит из дома, чтобы вернуться с поля уже в сгустившихся сумерках.

Как только земля прогревалась весенним теплом, начиналась работа по планировке посевных площадей под хлопчатник, и колхозники, разравнивая поля, работали от восхода до заката под уже начавшим припекать солнцем.

Близились дни сева хлопка, и я как-то отправился к отцу с еще горячей кукурузной лепешкой, которую только что испекла мама. Отец в тот день работал на колхозном складе ядохимикатов, где готовили к севу семена хлопчатника. Подготовка эта заключалась в протравливании семян, чтобы им не навредили паразиты. Бетонный бассейн заполнялся хлопковыми семенами, на которые сверху высыпали из мешка едкий зловонный порошок, а затем заливали эту адскую смесь водой и настаивали, будто промывали рис для плова.

Собственными глазами я впервые увидел, как мой папа и другие сельчане часами находились по пояс в этой ядовитой и вонючей жиже, непрерывно перемешивая ее мотыгами и дожидаясь, когда семена впитают едкий раствор, а потом перевозили их на поля. Только много лет спустя я понял, насколько они были вредными и опасными для здоровья человека.

Однажды в знойное лето к нам домой приехал на мотоцикле главный агроном колхоза: – “Где Аскар-ака?” – “Папа в поле”. – “Скорее беги к отцу, скажи, пусть он сейчас же уходит оттуда! Там самолет распыляет над полями очень опасные ядохимикаты”.

Я опрометью бросился к хлопковой плантации...

Папа находился на самом краю делянки, на меже, разделявшей участки, держа в руках бело-красный сигнальный щит в большой рамке. Расположив это простейшее устройство соответственно хлопковым делянкам, он показывал летчику сельскохозяйственной авиации, что с красной стороны щита над полем уже распылили препарат, а с белой их еще нужно обработать. Вдруг над нами прогрохотал самолет «Ан-2», сбросив прямо на нас зловонное содержимое своих баков с ядохимикатами. Я весь промок до нитки, словно попав под дождь, и все мое тело пробрал холод. Отец же, как ни в чем не бывало, по-прежнему продолжал отмеривать положенные участки и показывать сигнальным щитом летчику новую цель для химической «атаки».

Я передал отцу просьбу агронома вернуться в кишлак, на что он упрямо ответил: «Нет, бригадир дал мне это поручение, я не могу бросить работу». Мой отец так и не ушел с поля, словно стойкий солдат, не оставляющий свой пост.

С годами отец все больше страдал от вреда, нанесенного его здоровью теми самыми ядохимикатами. И ни бригадир, ни правление колхоза не помогли ему в лечении.

В нашей махалле всего две семьи имели телевизоры. Дети и взрослые еще днем намечали себе, в какой из этих двух домов пойдут вечером смотреть голубой чудо-экран. Заглянув во дворы, мы выясняли, в каком из них было меньше телезрителей, и вваливались туда всей гурьбой, не спрашивая никакого разрешения у хозяев дома. И до самой полуночи в невообразимой тесноте мы смотрели телевизор, даже не шевелясь и не вставая размять ноги из-за боязни потерять место. В то время нам не казалось такой уж мукой неподвижно просидеть пять-шесть часов на одном месте. Эти сеансы у телевизора стали одним из самых сильных впечатлений моего детства и юности.

Иногда улицы кишлака объезжали автомашины-фургоны с надписью «Автолавка». Они останавливались в людных местах и предлагали сельчанам различные товары. И хотя люди не могли заплатить наличными, покупку товаров можно было оформить в кредит. Пользуясь именно этой возможностью, я купил в рассрочку на два года телевизор за 210 рублей, оформив кредит на папу. С этого чудесного дня нам уже не нужно было ходить в чужие дома смотреть телевизионные передачи. Теперь у нас самих была волшебная возможность наслаждаться телепрограммами в любое время и любом положении, хоть лежа. Теперь люди ходили и к нам, но скоро в махалле стало привычным делом покупать бытовую технику в кредит, и стало гораздо больше семей, имеющих телевизор. К тому времени я уже был восьмиклассником.

Не могу сказать, что в школе я был отличником, но по таким предметам, как история, рисование, черчение и литература, я учился на «хорошо» и «отлично».

В 1966 году в нашем селе на деньги колхоза возвели двухэтажное здание новой школы. Ох, просто не передать словами, как мы радовались! Какое это было счастье для деревенских детей: после восьми лет обучения в сырых, мрачных помещениях – вдруг перебраться в широкие и светлые классы в двухэтажном здании с настоящими деревянными полами!

Страх перед карательными органами советские люди получили в наследство от сталинской эпохи. Однажды множество людей стали свидетелями того, как одного гражданина среди бела дня милиционеры схватили и увели с собой. Назавтра тело этого человека нашли на кладбище, неподалеку от здания отдела внутренних дел. В качестве подозреваемого по этому делу взяли под стражу повара одной из сельских столовых по имени Мамир. Побоями и истязани-

ями его заставили взять на себя вину за то, чего он не совершал. Суд приговорил его к тринадцати годам лишения свободы.

В те времена государственная политика в Советской стране была направлена на пробуждение чувства сострадания к несчастным американским чернокожим гражданам, но никто из чиновников не печалился по поводу незавидной участи простых сельчан, умерших от побоев или навсегда искалеченных в милицейских застенках в нашей собственной стране.

Мне в то время было лет пятнадцать-шестнадцать, и некая сила властно призвала меня выучиться на юриста и бороться против подобной несправедливости и беззакония.

...Окончив в 1968 году десятый класс, я, с целью заработать на учебу, нанялся отливать саманный кирпич-сырец и скопил немного денег, но их едва хватило на то, чтобы съездить проведать родственников в Фергане.

В те времена только сын прокурора мог стать прокурором, а сын колхозника мог стать лишь колхозником. Однако я поступил на работу в строительную организацию. Мое решение тогда восприняли осуждающе даже родители, которых упрекали из-за меня. Но в тот день, когда я принес домой свою первую зарплату – 120 рублей, радости в нашей семье не было конца. Мой папа долгие никогда не получал денег за свой труд, только унижительную оплату маслом, рисом да макаронами с колхозного склада.

Затем военный комиссариат направил меня на водительские курсы в ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту). Половину платы за мое обучение вносила строительная организация, в которой я работал.

В том 1968 году произошло событие подлинно исторической значимости в жизни республики: нам впервые выдали на руки паспорта гражданина СССР. До этого для колхозников единственным удостоверяющим личность документом была трудовая книжка колхозника.

Мечты сбываются

В 1971 году, прослужив два года в рядах Советской армии, я отправился домой. К этому времени я уже мечтал стать художником.

...После дорожных мытарств в течение нескольких дней на поезде я добрался, наконец, до Ташкента и направился в знаменитое в Узбекской ССР художественное училище имени Бенькова. Увы, как выяснилось, вступительные экзамены к тому времени уже закончились. Мне посоветовали хорошенько подготовиться и снова приходить поступать в следующем году.

Вернувшись в Кыргызстан, в родной дом в Базар-Коргоне, я обнаружил, что меня уже определили в помощники механизатора, даже не спросив мое мнение. Мне предстояло побороться за свою свободу выбора и мечту – стать художником...

Неподалеку от центра нашего села располагался дощатый жилой барак, там жила старая женщина. Она была родом из Польши, а в наших местах оказалась в годы второй мировой войны. Ее муж умер, и она осталась совсем одна. Узнав, что в армии я служил в Польше, она попросила меня рассказать обо всем, что я там увидел, и слушала мой рассказ со слезами на глазах, стараясь не пропустить ни слова.

Военную службу в течение двух лет я проходил в Польской Народной Республике и собственными глазами увидел, какой урон польскому народу нанесло пребывание там Советской Армии. Тысячи и тысячи гектаров плодородных земель Польши советские войска использовали в качестве военных полигонов, а с наступлением зимы тысячи деревьев в живописных лесах вырубали на дрова для отопления казарм.

Я служил водителем и побывал во множестве городов и сел Польши, беседуя с простыми поляками. До сих пор я храню в душе глубокое уважение и самые теплые чувства к польскому народу...

Эта женщина и нагадала мне, что скоро я уеду, начну учиться и женюсь. Так оно и вышло. Я снова направился «штурмовать» Ташкент. У меня было благословение родителей и сорок рублей в кармане.

В квартире, снятой внаем, жили двое учащихся художественного училища имени Бенькова, это были ребята из Узбекистана, а звали их Кахрамон и Рустам. Если сегодня кто-нибудь спросил бы меня, есть ли у меня друзья, я по-прежнему назову этих двоих.

В ту пору умение написать портрет Владимира Ильича Ленина считалось верхом художественного мастерства, да и далеко не каждому это разрешалось. Но, в первый же день обучения мне довелось убедиться на собственном горьком опыте, насколько непростой оказалась задача – изобразить даже пиалу, не говоря уже о вожде мирового пролетариата.

Нужно было оплачивать питание и аренду квартиры, покупать бумагу и краски, и я устроился на работу в строительную организацию. Днем я был на стройке, а ночами выполнял рисунки-эскизы с натуры. В выходные отправлялся на природу, постигать секреты пейзажной живописи. Какие же это были безмерно счастливые дни...

На следующий год я подал документы на отделение живописи заветного художественного училища и выдержал вступительные экзамены в числе лучших абитуриентов. Самым же трудным экзаменом оказалось сочинение, вот за него я и получил свою «тройку». Но предстоял еще и экзамен по истории. Я прочитал множество книг – о Второй мировой войне, приходе Гитлера к власти и внезапном нападении на СССР. И, по счастливому совпадению, именно эти вопросы оказались в моем экзаменационном билете.

Обернувшись лицом к членам экзаменационной комиссии, я спросил их: «О каком Гитлере мне рассказать?». Один из членов комиссии взглянул на меня изумленно и ответил вопросом на вопрос: «А что, разве есть еще один Гитлер?». Я стал рассказывать про Гитлера и его двойников, про золотой запас нацистов и Бразилию, куда он был вывезен... Эти исторические сведения я почерпнул в журнале «Огонек». Переглянувшись, члены экзаменационной комиссии сказали: «Вы свободны». Выйдя в коридор, я взглянул на экзаменационный лист – «5»!

Я знал, что в «Бенькове» учатся только дети больших чиновников, боялся, что мандатная комиссия меня не пропустит. Так и получилось. Восстановить справедливость мне помог наш родственник, знаменитый диктор Узбекского телевидения Октам Джобиров, чье имя магически подействовало в Министерстве культуры. Да и в училище, когда мы сказали, что намерены жаловаться в Минкультуры, с нами заговорили по-другому и нас, со мной были еще двое ребят, решили зачислить в училище.

В училище я постигал секреты профессии у таких мастеров, как преподаватель живописи Борис Иванович Токмин, преподаватель графики Марат Садыков.

Когда заканчивался второй учебный год, меня во дворе училища как-то подозвал к себе один из наших преподавателей. Рядом с ним стояли женщина и девочка с мелко заплетенными косичками и живыми, блестящими глазами.

«Азимжан, объясни им правила поступления в училище, дай советы по вопросам, которые их интересуют», – попросил меня наставник.

Это был день, когда я познакомился с моей будущей женой Хадичой. Поскольку ее родители были родом из Коканда, а моя мама из Ферганы, мы быстро сблизились, будто родственные души.

Занимаясь вместе с друзьями отделкой и оформлением квартир, я не испытывал особых затруднений в деньгах и быту. Когда я учился на первом курсе, умер мой старший брат. Через полгода этот мир покинул отец. В семье понадобилась моя помощь. На каникулах я стал ездить по колхозам, где оформлял стенды и уголки политинформации, рисовал плакаты. Оплачивалась моя работа хорошо, так что я уже мог помогать семье.

Начиная с третьего курса я, по рекомендации преподавателей, устроился на работу в Республиканский музей искусств Узбекистана художником-оформителем. От меня требовалось раз в неделю готовить эскизы музыкальных инструментов и ковров. Моя ежемесячная зарплата составляла 170 рублей, это были большие деньги, к тому же я получал еще тридцать шесть рублей стипендии. Для сравнения: многодетная семья простого колхозника в то время получала самое большее рублей сто.

Во время учебы в Ташкенте в разговоре с другом Хасаном я однажды сказал, что сила, которая способна объединить все народы мира, это изобразительное искусство. Хасан-ака рассказал об этом знаменитому узбекскому литератору Тохтасину Джалилову. Тот попросил привести меня к нему, чтобы побеседовать со мной.

...Когда мы подошли к двухэтажному дому и Хасан-ака позвонил в дверь, она открылась, и нас тепло приветствовал улыбчивый человек в сетчатой майке. Он провел нас в комнату, где сидела женщина, проворно лепившая манты – узбекское национальное блюдо из теста с мясной начинкой. Человек в майке принялся сноровисто помогать ей. Я было решил, что эти двое – прислуга писателя, а сам он занят делами у себя в рабочем кабинете, а потому задерживается.

Аккуратно сложив манты в пароварку-мантышницу, тот человек присоединился к нам и стал наливать чай. Только когда завязалась беседа, я понял, что этот простой незнакомец и есть великий творец узбекской литературы Тохтасин Джалилов! Пробормотав в потрясении: «Учитель, позвольте мне разливать чай», – принял из его рук чайник. Наша беседа продолжалась очень долго. В тот день я впервые узнал, как оборвалась жизнь первого и выдающегося узбекского романиста Абдуллы Кадыри.

...Был съезд писателей Узбекистана, и Абдулле Кадыри было намечено дать слово на второй день съезда. В первый же день этого большого события литераторы словно соревновались друг с другом в патетичности: «Я не пожалею ни сил, ни самой жизни ради дела партии!». Не в силах выслушивать эти фальшивые плакатные фразы, Кадыри потребовал слова и выступил коротко и ясно: «Я служу не партии и правительству, а своему народу!». Великий писатель давно уже сошел с трибуны, а в зале несколько бесконечно долгих минут царил оглушительная тишина...

Скоро против Абдуллы Кадыри было возбуждено уголовное дело. Друзья настоятельно советовали ему немедленно уехать за рубеж. Но писатель повторял, что он не покинет родную землю и свой народ. Дело вел следователь Огабеков. Вскоре Абдуллу Кадыри объявили «непримирим врагом народа». С ним зверски расправились, а следователю Огабекову вне очереди присвоили звание майора...

Получив диплом, я устроился в Ошское отделение Союза художников Киргизской ССР художником-оформителем. В то время политическая агитация и пропаганда достигли своего апогея. Заказов было так много, что я едва укладывался в срок. В те времена ежемесячная зарплата секретаря парткома в колхозе составляла 240 рублей, я же, бывало, зарабатывал и по тысяче.

Кыргызы, которых я знаю

Вскоре после моего ареста в июне 2010 года некоторые средства массовой информации с монительной репутацией стали обвинять меня в национализме, пытаясь выставить врагом кыргызов и всего Кыргызстана. Не хочу оправдываться, но не могу не высказаться здесь о кыргызах, моих друзьях и единомышленниках, своем отношении к межэтническим вопросам. Наша страна дважды – в 1990 и 2010 годах пережила межэтнический конфликт, но в них нельзя винить ни узбеков, ни кыргызов. Простой народ дружить веками и никакие конфликты ему не нужны.

...Это было три-четыре дня спустя после первой межнациональной трагедии 1990 года. Мы, четверо узбеков, решили навестить нашего друга-кыргыза Болота Давлетова. Он жил километрах в 10-15 от районного центра, в селе Кайырма, населенное только кыргызами. Мы подъехали на машине к его дому и посигналили. Ворота открылись, к нам с распростертыми объятиями вышел Болот.

Его жена приветливо пригласила нас за богатый дастархан⁴ и принялась готовить горячее блюдо.

Болот учился в институте вместе с нашим другом Мирзакамом, с которым мы и приехали сюда. Мы удобно расположились в этом гостеприимном доме, и потекла непринужденная беседа. Вдруг кто-то сильно забарабанил в ворота, раздался грубый окрик. Хозяин поторопился к воротам. Видя, что мы встревожились, хозяйка успокоила нас: “Ничего-ничего, это просто какие-то пьяные ребята”.

Позже мы узнали, что дело обстояло так.

Двое пьяных парней-кыргызов, слонявшихся без дела, прослышали, что в село приехали четверо узбеков, которых они и решили “проучить”. Постучав в ворота, они потребовали от хозяина дома вывести нас к ним. Болот напомнил им о святом законе гостеприимства: “Гость – посланник Бога” и, когда непрошеные гости не поняли по-хорошему, наш друг хорошенько проучил их. Потом вернулся и, как ни в чем не бывало, продолжил разговор с нами. Он ни словом не обмолвился о произошедшей драке, чтобы нас не смущать.

Те ребята могли бы по злобе поджечь нашу машину, стоявшую у дома Болота. Но он задал им такого жару, что они сочли за благо убраться восвояси.

В те дни, после конфликта между кыргызами и узбеками полки магазинов опустели. Возвращаясь из Кайырмы, я видел, что в магазине этого айла сгружают муку в мешках. Дома закончилась мука, и на следующий день я решил купить ее здесь. На автотрассе я забрал “проголодовавшую” попутчицу, девчущку-подростка 13-14 лет. Она отправлялась в тот самый магазин.

По дороге она рассказала, что она – старшая из трех детей в семье, а отец умер.

Мы купили в магазине по мешку муки и пустились в обратный путь. Я отвез девушку до самого дома, где у ворот встречали ее мама и младшие братья. Когда я собрался отъезжать назад, ее мама спросила, кто я и где работаю. Как тесен мир: эта женщина оказалась близкой родственницей Асакена, моего коллеги, председателя Ошского отделения Союза художников Кыргызстана!

Позже, на одном из собраний художественного совета, ко мне подошел Асакен и, крепко пожалав руку, посмотрел мне прямо в глаза и выразительно произнес: “Спасибо!”. Окружающие не поняли значения этого загадочного рукопожатия. А я сразу понял, что его родственники рассказали о нашей с ними знакомстве.

⁴ Дастархан – стол с яствами

На фоне тогдашнего кыргызско-узбекского раздора даже помощь в доставке мешка муки к дому человека другой национальности могла показаться отважным поступком. Это печально...

Спустя немного времени случай в аиле Кайырма повторился и в нашем селе. Возвращаясь с работы, я увидел жаркую потасовку у дома моего соседа Алиджона. Хозяин дома дрался с двумя мужчинами, лица которых были уже в крови. На помощь Алиджону поспешил его брат, и они вдвоем как следует отделали тех двоих драчунов...

Алиджон рассказал вот такую историю. К нему в гости приехал друг-кыргыз. Когда они сидели в доме, к нему заявили жившие в нашей махалле два брата-драчуна, узбеки по национальности. Они хотели избить гостя Алиджона прямо в его доме...

Защитив своего гостя и уважая святой закон гостеприимства, Алиджон и его брат налили гостю чарочку “на посошок”, а затем проводили его.

Гостеприимство – великая черта, в равной степени присущая обоим нашим народам. И вообще у кыргызов и узбеков очень много общего, фактически мы – один народ.

После первого межнационального конфликта в Кыргызстане в 1990 году люди еще довольно долго жили, испытывая страх и недоверие друг к другу. Однако этого не было в среде художников. Я спокойно ездил каждый день на работу в Джалал-Абад и обратно. Мой друг-кыргыз Камал жил в самом центре города. Хотя в жилище у него было тесно, но душа – широка. Когда, случалось, я задерживался на работе и мне было уже поздно ехать домой в свое село, он не позволял мне оставаться на ночлег в нашей довольно просторной художественной мастерской и уводил к себе домой.

Его жена Шарапат всегда встречала меня так приветливо, что я чувствовал себя будто у себя дома. Я работал в тех мастерских двадцать лет, и все эти годы наша дружба только крепла. Даже после того как я перешел на правозащитную работу, наша дружба с этой замечательной семьей не прерывалась. Да благословит Аллах моих дорогих друзей Камала и его жену Шарапат и на этом, и на том свете.

Тюрьма не курорт и не санаторий. Но когда мною начинает овладевать душевная слабость, я всегда вспоминаю пятерых кыргызских парней, которые спасли меня и моих друзей-коллег – Абдуназара Маматисламова и Бактыкан Джапарову. Если бы они десять лет назад не пришли нам на помощь, наутро после той ужасной ночи нашли бы только наши замерзшие насмерть тела.

...Это были последние дни октября 2007 года. С утра было слякотно и сыро, и морозящий дождь, перешедший в снег, отдавал промозглым холодом. Решив в такой день не подвергать себя и машину опасности, я отправился на работу на автобусе.

Встретив прямо у дверей нашей организации “Справедливость” Абдуназара, я узнал от него, что умер отец нашего аксыйского друга Сартбая Джайчыбекова. Недолго думая, мы тут же отправились к Сартбаю выразить соболезнование. Несмотря на слякотный, холодный день, все мы были одеты довольно легко, не по сезону. Видно, мы сильно понадеялись на обогрев машины.

Путь был неблизкий, а Аксы – это ведь высокогорный район, куда и зима приходит рано. Поднимаясь все выше по серпантинам, мы словно переносились из лета в зиму. А снег падал все гуще и заносил дорогу.

Родное село Сартбая – Кара-Джыгач в Аксыйском районе. Я вспомнил, как в летние месяцы мы приезжали в это дивной красоты горное село и купались в реке, и ледяная вода мгновенно охлаждала наши разгоряченные тела. Ночевали здесь же, недалеко от берега, шум

горной реки нисколько не мешал мгновенно уснуть... Наоборот он ласкал слух и придавал покой душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.